

**Эмиль Бенвенист –
теоретик поэтического дискурса ***

В. В. Фещенко

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Аннотация. Статья посвящена лишь недавно обнаруженным в архиве материалам выдающегося французского лингвиста Эмиля Бенвениста, касающимся анализа поэтического языка. Они представляют собой оставшиеся в рукописях записи последних сознательных лет жизни французского теоретика языка с анализом поэтического творчества Шарля Бодлера и набросками пионерской для того времени теории поэтического дискурса. Ученый занимался Бодлером и читал о нем лекции во второй половине 1960-х гг., однако по причине тяжелой болезни не успел довести начатое исследование до конца. Попытка Бенвениста создать оригинальную теорию поэтического высказывания опередила время, а в чем-то наметила и до сих пор не осознанные в лингвопоэтике аспекты языка поэзии.

Перед нами черновики не просто статьи, а полноценного трактата о структуре поэтического языка, природе поэтического дискурса и лингвистическом методе изучения поэзии. Ни статья, ни трактат не успели увидеть свет. Думается, что, если бы это произошло, развитие лингвистической поэтики, возможно, пошло бы иным путем. Во всяком случае теоретические идеи о поэтической коммуникации и конкретные эмпирические находки о языке Ш. Бодлера, сделанные на этих четырех сотнях

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Фещенко В. В. Эмиль Бенвенист – теоретик поэтического дискурса // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 226–237.

листов, отчасти предвосхищают некоторые последующие теории поэтического языка, а отчасти ставят задачи, еще не решенные наукой о языке. В частности, это целые области поэтической фонетики, поэтического синтаксиса, поэтической грамматики, поэтической лексикологии, о которых возмещается в манускрипте, но также имплицитно намеченные задачи описания поэтической прагматики, поэтического семиозиса, поэтических корпусов.

Главным результатом пионерского, но незавершенного проекта Бенвениста являются очертания концепции поэтического дискурса, не имевшей аналогов на момент ее формулировки. Утверждение французского теоретика о необходимости пересмотреть весь лингвистический аппарат применительно к изучению поэтического языка и выработать свои дефиниции в этой области чрезвычайно актуально и сегодня. Рукопись о языке Бодлера показывает, что подход к литературному корпусу поэта не является одним из применений лингвистической теории, а должен быть комплексным вопросом к лингвистике о статусе поэтического дискурса и конкретного поэтического произведения, которые, со своей стороны, ставят под вопрос принятые категории лингвистического анализа. Речь идет о критическом подходе к таким понятиям, как коммуникация, референция, высказывание, сообщение, знак и т. п., в их проекции на поэтический дискурс в его специфике и антропоцентрической установке.

Ключевые слова: поэтический дискурс, Э. Бенвенист, язык поэзии.

УДК 81-11

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-226-237

Контактная информация: Фещенко Владимир Валентинович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН (Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, 125009, takovich2@gmail.com)

Выступления Романа Якобсона начала 1960-х гг. по проблемам лингвистической поэтики возбудили интерес к художественному дискурсу даже у тех ведущих исследователей языка, которые, казалось бы, были далеки от вопросов поэтики. Наиболее удивительным случаем такого интереса были лишь недавно обнаруженные в архиве материалы выдающегося французского лингвиста Эмиля Бенвениста, касающиеся анализа поэтического языка. Они представляют собой оставшиеся в рукописях записи последних сознательных лет жизни французского теоретика языка с анализом поэтического творчества Шарля Бодлера и набросками пионерской для того времени теории поэтического дискурса. Ученый занимался Бодлером и читал о нем лекции во второй половине 1960-х гг., однако по причине тяжелой болезни не успел довести начатое исследование до конца. Известно, что он планировал опубликовать обширную статью

на тему «Бодлер и проблемы поэтического дискурса» в журнале *Langages* по запросу Ролана Барта, но не осуществил замысел. Лишь в 2010-е гг. были опубликованы 370 рукописных листков этого проекта отдельным изданием [Benveniste, 2011] (см. о них также: [Laplantine, 2011; Adam, 2012]).

Архивная публикация занятий Бенвениста языком художественной литературы по своей неожиданности и даже сенсационности сравнима с обнаружением в 1960-е гг. сосюрских исследований по анаграммам в художественных текстах. Неожиданность их связана с тем, что ни Ф. де Соссюр, ни Э. Бенвенист, как считалось, не уделяли внимания языку литературы. Оказалось, совсем наоборот: их подходы открывали новаторские лингвистические перспективы в изучении художественного дискурса, пусть и остались недоработанными и не вполне сложившимися в глазах самих их авторов-ученых. Попытка Бенвениста создать оригинальную теорию поэтического высказывания опередила время, а в чем-то наметила и до сих пор не осознанные в лингвопоэтике аспекты языка поэзии. Поскольку в русской научной литературе эти архивные находки еще никак не освещались, мы считаем нужным остановиться на записях Бенвениста подробнее.

В одной из опубликованных при жизни и известных статей «Форма и смысл в языке» Бенвенист упоминает проблему поэтического языка, но лишь с тем, чтобы исключить ее из своего лингвистического рассмотрения: «Нашей областью будет язык, называемый обыденным, обиходным языком, и мы намеренно исключаем из рассмотрения язык поэтический, который имеет свои собственные законы и собственные функции» [Benveniste, 1980, p. 216–217]. Словно смущаясь этим заявлением о радикальной дихотомии двух «языков», он добавляет: «Задача, признаемся, уже весьма объемна. Но все, что мы сможем уяснить в изучении обыденного языка, будет, несомненно, полезным – прямо или косвенно – и для понимания поэтического языка» [Ibid.]. Язык литературы, таким образом, основан на обиходном языке, но имея свои эстетические свойства, вырывается за пределы обычного лингвистического анализа, требуя особых формулировок и методик. Заметим, что в черновиках к другой своей знаменитой статье «Семиология языка» ученый противопоставляет в общем виде сигнификацию в языке и сигнификацию в искусстве: «Сигнификативные отношения в области искусства выводятся изнутри художественной композиции», тогда как повседневный язык является «системой, построенной на уже готовых правилах сигнификации» (цит. по: [Laplantine, 2008, p. 155–156]). Система художественной сигнификации выражается (точнее, в терминах Бенвениста, высказывается – *s' énonce*) изнутри целостной композиции с помощью оппозиций, организуемых автором-художником применительно к конкретному произведению искусства. Французский лингвист тут же вводит понятие «семиотики литературы» (*sémiotique littéraire*)

raire), отмечая, что эта семиотика не представляет собой жесткой системы и конвенции. Впрочем, он не решается включить в окончательный текст статьи эти замечания, по-видимому, не будучи уверенным в них. Тем не менее, последующие занятия Бодлером, кажется, убедят его в необходимости особой семиотики и семантики поэтического языка (о литературных аспектах теории Бенвениста см.: [Delas, 2005; Martin, 2009]).

Исследование Бенвениста представляет собой анализ стихотворений Ш. Бодлера (а также окказионально С. Малларме) на самых разных языковых уровнях. Сохранившиеся листки испещрены выписанными словами, грамматическими формами, звуками, фразами, строками из наследия французского предсимволиста. Складывается впечатление, что известный лингвист настолько увлекается систематизацией поэтического материала, что не может остановиться в своих структурных разборах. Но самое важное, как нам кажется, достоинство этих разборов состоит в тех теоретических положениях, которые Бенвенист выводит тут же, буквально между строк анализируемых стихов. Эмпирические примеры и теоретические обобщения чередуются от листка к листку, а подчас записываются вместе на одном листке. Именно теоретические положения представляют для нас особый интерес.

Бенвенист выдвигает задачу найти ключ к проблеме, которую ставит поэтический язык (а именно, язык Бодлера), как проблеме сугубо лингвистической (не философской, литературоведческой или какой-либо иной) в ряду других «проблем общей лингвистики», решаемых в одноименных двух томах его статей. Прежде всего, лингвистика изучает «отношения», а значит, в поэтическом языке надо искать свои отношения: «...поэт оперирует словами. Связь между выбором и расположением слов, с одной стороны, и “смыслом” выражаемого, стиха, поэмы, с другой, – вот лингвистическая проблема, проблема отношений» (280¹). Как видим, имеются в виду соотношения парадигматики, синтагматики и семантики поэтического текста. Он задается вопросом, нельзя ли мыслить поэтическое выражение как «*семантический уровень sui generis*, инородный семантике обыденного языка», и заключает: «В сущности, было бы вполне естественным предположить, что поэтический язык обладает своей собственной семантикой» (267). Этот акцент на «семантике» перекликается с вопросом о «сигнификации дискурса», поднимаемым Бенвенистом в статье «Семиология языка». Идея семантической области как отдельной от остальных областей, требующая собственного концептуального аппарата и определенных, присутствует в рукописи о Бодлере: «Кажется, поэтический язык раскрывает нам такой тип языка, об объеме, богатстве и особой природе которого мы до настоящего времени едва ли подозревали». Подобно тому, как

---

¹ Здесь и далее указывается номер листа по архивной публикации [Laplantine, 2008]. Курсив в цитатах из Бенвениста во всех случаях авторский.

Соссюр призывал изучать язык «в самом себе и для себя», «поэтический язык должен рассматриваться в самом себе и для себя. Он обладает иным способом сигнификации, чем язык повседневный и должен получить отдельный аппарат определений. Он требует другой лингвистики» (303); «анализ поэтического языка требует во всем объеме лингвистической области особых категорий» (319).

Ссылаясь на статью Р. Якобсона и К. Леви-Стросса о «Кошках» Бодлера и во многом вдохновляясь их подходом, Бенвенист, однако, предлагает другую программу изучения поэтического текста. «Теория поэтического языка пока еще не существует. Настоящее исследование ставит себе целью ускорить пришествие этой теории» (210). Подход к поэтическому языку на чисто дескриптивных основаниях критикуется им: «До сих пор существовал лишь *описательный анализ стихотворения*» (354). Ему противопоставляется исследование «*модуса функционирования поэтического языка*» (354). В разделе, названном «Разница подходов», четко ставятся в оппозицию дескрипция, демонтаж стихотворного текста «в качестве объекта» (методика Якобсона и Леви-Стросса) и совершенно другой подход, который «стремился бы добраться до глубинной структуры поэтического универсума, выявляя характерный набор образов в их сочленении» (81). В сущности, здесь предлагается программа, сходная с «глубинной семиотикой» в русской филологической традиции (см. о ней: [Фещенко, 2005]), только на структуралистских основаниях.

Мы знаем, что Бенвенист является автором одной из первых в лингвистике теорий «дискурса», наряду с американским лингвистом З. Харрисом. Не удивительно поэтому, что в своем поэтологическом труде он ставит проблему поэзии как особого дискурса: «Стихотворение – это особое высказывание. Оно формирует уникальный дискурс, состоящий из слов, соединяемых в нем первый и единственный раз» (272). В следующем листе эта мысль развивается: достаточно четко различаются «поэтический дискурс» как «реализация» и «поэтический язык» как «язык эмоции»: «Сама природа поэтического языка – языка эмоции – позволяет реализации поэтического дискурса принимать модальности совершенно не свойственные артикуляциям дискурса в обыденном языке» (273). Дискурсивная установка здесь столь очевидна, что Бенвенист порой даже не противопоставляет термины *langue* и *langage*, зато очень строго разграничивает «прозаический дискурс» (т. е. нарративный) и «поэтический дискурс» (т. е. стихотворный). Он также противопоставляет знак и дискурс в тех же терминах, что в его концепции «семиотического» как знакового и «семантического» как дискурсивного планов языка: «Тот факт, что поэтический язык не имеет денотации предполагает, что проблема здесь стоит не на уровне знака, а на уровне целого дискурса, а точнее, на уровне функционирования стихотворения в качестве реализации определенного акта поэтического языка. Именно целый дискурс раскрывает природу языка, в котором он развора-

чивается» (253). Стало быть, действие поэтического дискурса определяет характер языка поэзии в его отличии от языка быта.

В последней цитате из Бенвениста возникает понятие денотации. Одна из проблем, решаемых им, – природа поэтической референции. В разделе своего исследования, озаглавленном «Структура поэтического дискурса», эта проблема ставится во главу угла лингвопоэтического анализа. Фундаментальный аспект поэтического дискурса состоит в том, что «референт в поэзии располагается не во внешнем мире вещей, а во внутреннем мире поэта, или, скажем иначе, в мире вещей, отраженном сознанием поэта, т. е. его опытом <...> Экстралингвистический мир референции не является здесь чем-то данным, присутствующим в сознании всех говорящих. Это особый, личный мир, который нужно описывать как новый и индивидуальный космос» (53). Этот «космос» предлагается описывать исходя из собственных «терминов» (вокабуляра) и «отношений» (связей между словами), устанавливаемых в конкретном стихотворении. Расположение слов поэтом задает рамки внутренней референции поэтического текста: «Поэт *строит* свой язык и свои высказывания, даже когда он пользуется элементами обыденного языка. Ведь когда он складывает слова в стихотворение, он *одновременно создает и референцию*, к которой отсылают его выражения. *В поэзии референция работает внутри* плана выражения, тогда как *в прозе* она находится *вне* плана выражения, будучи реальностью (внешней или нозтической) общей для всех нас» (183). Соответственно, различна референция обыденного и поэтического языка: «Дискурс обыденного языка *находит свой смысл вне самого себя*, так как устанавливает соотношение между двумя участниками коммуникации и отсылает к “внешнему миру”. Дискурс поэтический *обнаруживает смысл в самом себе*, так как “смысл” отсылает к поэтической форме» (258).

Язык поэта и язык конкретного стихотворения поэта – разные планы, считает Бенвенист. Они, естественно, соотносятся, но первичным этапом исследования поэтики автора должны быть внутритекстовые связи. Для этого даже вводится особое понятие-эпитет «поэзматический», т. е. присущий конкретной «поэме» со своей синтагматикой и парадигматикой. «Поэзматическая парадигматика» определяется укладыванием слов в рифмы и созвучия, «поэзматическая синтагматика» же задается «размером стиха» (314).

В рукописи много раз повторяется тезис о «радикальной специфичности» поэтического дискурса в отличие от повседневного. Причем специфичен он во всех аспектах своей «целостной структуры» (323). Поэтический дискурс, согласно ученому, проблематизирует само понятие слова: «Слово для поэта – нечто совсем иное, чем для обычного говорящего. В области изучения поэтического языка еще предстоит разработать теорию слова, но не раньше того момента, когда будет отвергнуто понятие слова, взятое из теории обыденного языка» (281). Различие между поэти-

ческим и обыденным словом объясняется разная процедура семиозиса. В обыденной речи знаки формируются из соответствия означаемых и означающих, отсылая к известным для говорящих референтам внешнего мира, а употребление знаков регламентируется кодом (грамматикой). Сообщение здесь формируется ситуацией. В поэзии же сообщение формирует саму ситуацию: «ситуация (объект и т. п.) отражается в “патеме” эмоции, под которую поэт подбирает подходящие слова» (203). Неологизмом «патема» (*pathème*) Бенвенист пытается обозначить единицу поэтического языка, противопоставляя ее «лексеме» обыденного языка (ср. с более поздними терминами «экспрессема» и «креатема», введенными в советской лингвистике). «Патема» несет в себе информацию об экспрессии и эмоции, вложенной поэтом в слова. Автор поэтического текста каждый раз создает уникальный язык, основанный на эмоции. Задача исследователя же – реконструировать этот уникальный «лингвистический код поэзии».

Следующим пунктом данной теории является вопрос о субъективности, поднятый Бенвенистом ранее в широко известной статье «О субъективности в языке». Поэзии свойственна и особая субъективность, утверждается в рукописи о Бодлере: «Поэтический язык – всегда язык одного поэта, и он переизобретается им в каждом из отдельных поэтических текстов» (205). Изучение стиха не может вестись без учета субъективности их автора. Зачастую Бенвенист даже отождествляет автора и его текст, считая их единой сущностью. Субъективностью наделяется и сам язык поэта, который является «внутренним по отношению к общему языку языком» (54). Ученый колеблется: то ли этот язык находится внутри общего языка, то ли это особый, другой язык? Но склоняется к представлению о «языке в языке», которым именовали поэзию французские поэты-символисты (С. Малларме, П. Валери), или о «внутреннем языке». Вспомним, что термин «внутренний язык» возникает у Бенвениста в статье «Формальный аппарат высказывания» при анализе структуры монолога, который, представляя собой интериоризированный диалог, превращается во «внутренний язык». В поздних лекциях, прочитанных в Коллеж де Франс, много говорится о письме (*écriture*) как о «внутреннем языке» (схожие идеи чуть ранее высказывал Р. Барт в «Нулевой степени письма»). Теперь же это понятие отчетливо проецируется на поэтический язык. В стихотворении язык как таковой перестает быть коллективной конвенцией, трансформируясь в «особый язык, на котором говорит только поэт», язык, «не известный а priori» (300). Подчеркивается и роль читателя, которая «огромна и, возможно, даже более важна, чем слушающего». Перед лицом идиолекта поэта читатель «должен подстраиваться, обучаться и, обучаясь, получать доступ к намерению поэта» (300). Именно принцип языка в языке настраивает Бенвениста на тот тип анализа, которым он занимается.

В одном из листов проскальзывает мысль о том, что поэзии не свойственна направленность на коммуникацию и когницию. В поэзии «использо-

вание языка носит не когнитивный, но импрессивный характер» (204); в ней «нет концептов, нет идей, которые можно было бы сообщить, суждений, которые можно было бы разделить» (199). Весьма спорные утверждения, которые современная нам наука о поэтическом языке, разумеется, отвергает. Впрочем, Бенвенист тут опять-таки колеблется. В другом месте он уже говорит об особой «поэтической коммуникации» (именно так называется один из разделов манускрипта): «Самое важное в изучении поэтического языка – это поэтическая коммуникация, ее природа, ее уровни, ее структура» (107). Поэт адресуется к слушателю, а не к собеседнику, а значит, коммуникация протекает иным образом.

В рукописи также поднимается вопрос о природе «поэтического высказывания» и «поэтического сообщения». Поэтическое высказывание, читаем здесь, – совершенно иной тип высказывания, чем в обыденном языке. Оно состоит из «вербализованной эмоции» (199) и «не отсылает ни к чему, кроме самого себя» (11). Сообщение в поэтическом дискурсе «не имеет цели сообщить мысль, а направлено на вербализацию эмоции» (202). Может показаться, что Бенвенист злоупотребляет понятиями «эмоция», «аффект», «чувство» и тому подобными, встречающимися почти на каждой странице при определении понятий поэтического дискурса. Возможно, сказывается недостаточная осведомленность его в эстетических учениях (в этих вопросах он эксплицитно опирается на эстетику Гегеля), большинство которых не сводят природу эстетического только к эмоциям. Между тем, акцент на эмоциях и их роли в эстетической деятельности делает учение Бенвениста снова актуальным в наши дни, учитывая целую волну междисциплинарных исследований эмоций, особенно в когнитивных подходах. Другой его актуальной идеей следует признать положение о поэтическом высказывании как «действии». Поэтический язык, пишет он, «направлен не на *говорение (dire)*, а на *делание (faire)*». Он «преследует цель произвести *воздействие*, эмоциональное или эстетическое» (184). При этом Бенвенист несколько раз цитирует американского поэта У. К. Уильямса и его идею о языке поэзии как организованной с помощью ритма эмоции. Французский лингвист оказывается неожиданно близким в своей методике к поэтической технике объективизма и проективизма, с их установкой на конструирование внутреннего языка текста. Можно также сказать, что идея поэтического действия предвосхищает такое направление исследования, как поэтическая прагматика, которое в наши дни находится в стадии зарождения.

Бенвенистом также обсуждается важное понятие «иконичности» поэтического знака, до него анализировавшееся Я. Мукаржовским и Ч. Моррисом применительно к эстетическому знаку вообще. Проблема иконичности излагается французским теоретиком в терминах «концептуализма» и «реализма»: «Проблема, которую ставит и решает поэзия, состоит в том, чтобы стать проводником слов из концептуального состояния знаков в ре-

альное состояние икон» (327). Поэтическая коммуникация состоит в «сообщении эмоции, связанной со словами, несущими эту эмоцию и иконизирующими ее» (56). В отличие от обыденного высказывания, где «слова *сигнифицируют* идею» (55), в поэтическом высказывании «слова *иконизируют* эмоцию» (55). В следующем за этим листе данное положение иллюстрируется примером из Бодлера: слово *nuit* (ночь), будучи «патемой» (в некоторых местах автор рукописи эту поэтическую единицу называет также «икония», намекая на иконизацию слова), отлична от слова *nuit* как знака; это различие сказывается в коллокациях этого слова из конкретных стихотворений: *nuit* оказывается рядом с *luit* (светится) и с *reluit* (отсвечивает) в «Цветах зла» – *luisant comme ces trous où l'eau dort dans la nuit... et la rime reluit*, или же в другом стихотворении из цикла «Соответствия»: *clarté* (ясность) – *vaste comme la nuit et comme la clarté*. Одна «патема» (в терминах современной лингвопоэтики мы сказали бы «экспрессема») связывается с другой посредством иконической связи (т. е. того, что мы сейчас назвали бы «паронимической аттракцией»). Соседство слов в поэтическом дискурсе создает отличные от обыденного дискурса связи. Слова здесь складываются в одно сверхслово, являющееся поэмой, членящееся и дробящееся не по законам общезыковой структуры. В одном из листов Бенвенист называет это сверхслово неологическим термином «симпатема», а природу связей отдельных «патем» в «симпатеме» – «патематической» (58).

Понятие «иконизации» также связывается здесь с понятием «эвокации». В поэтическом дискурсе иконические знаки (иконы) носят особый характер, считает французский теоретик, поскольку они «эвоцируют, или вызывают ассоциации в связи с объектом» (327). Эвокация, по Бенвенисту, объединяет смыслы «магического воздействия» и «психологической ассоциации». Если сущность поэтического сообщения или высказывания – в его иконичности, то сущность поэтической коммуникации – в эвокативности: «У поэта знак выступает как *означающее* (*signifiant*), но в то же время как *эвоцирующее* (*évoquant*), и это вдвойне эвоцирующее – своим звучанием и своими ассоциациями. Стало быть, в поэзии имеется знак языка, общий для всех говорящих на нем. И имеется *тот же знак* со свойством эвокации, сразу и на синтагматической оси (в контексте, в котором он возникает), и на парадигматической (ассоциации, к которым он взывает) (118). В этом месте Бенвенист прибегает к обильной терминологической неологизации, создавая порой диковинные, но необходимые, с его точки зрения, термины. Так, им рисуются две схемы: одна – схема знака в языке, другая – схема иконического знака. Приведем их в более оптимизированном виде по статье [Adam, 2012, p. 50–51]:

$$\text{Signe} \left\{ \begin{array}{l} \text{signifiant} \\ \text{signifié} \end{array} \right\} \text{réfèrent}$$

$$\acute{e}icasme \left\{ \begin{array}{l} \acute{e}voquant / eicasant [/ iconisant (f^{\circ} 64)] \\ \acute{e}voqu\acute{e} / eicas\acute{e} [/ iconis\acute{e} (f^{\circ} 64)] \end{array} \right\} \acute{e}motion\ initial\acute{e}$$

Знак в языке соотносится с референтом внешнего мира посредством установленного соотношения означающего и означаемого. В поэтическом же языке (и дискурсе) этот знак обретает свойства иконичности и эвокативности и, соответственно, согласуется с первичной эмоцией стихотворения посредством связи инстанций «эвоцирующего» (вызывающего ассоциации) и «эвоцируемого» (вызываемых ассоциаций), а также «иконизирующего» (изображающего по сходству) и «иконизируемого» (изображаемого по сходству). Кроме того, как мы видим, вводится еще одно более загадочное по форме понятие *éicasme*, образованное, по-видимому (Бенвенист не уточняет сам), от греческого *eikon*, от которого, в свою очередь, образован европейский корень «икона» (*icone* фр.). В древнегреческом *eikasma* – это образный прием, состоящий в уподоблении двух сущностей. Не вполне понятно, что имеет в виду Бенвенист, заменяя принятый термин «икона» (в смысле иконического знака в семиотике), но он явно пытается назвать «поэтический знак» своим термином, отличным от уже общепринятых. «Эйкаσμα», таким образом, – поэтический аналог знака в языке. В остальных местах рукописи этот термин не используется, оставшись своего рода экспериментом в неологизации.

Резюмируя рассмотренные рукописные записи выдающегося лингвиста XX в. Э. Бенвениста, этого «новатора лингвистического метода» [Степанов, 1974], можно сделать вывод о том, что перед нами черновики не просто статьи, а полноценного трактата о структуре поэтического языка, природе поэтического дискурса и лингвистическом методе изучения поэзии. Ни статья, ни трактат не успели увидеть свет. Думается, что, если бы это произошло, развитие лингвистической поэтики, возможно, пошло бы иным путем. Во всяком случае, как мы попытались показать, теоретические идеи о поэтической коммуникации и конкретные эмпирические находки о языке Ш. Бодлера, сделанные на этих четырех сотнях листов, отчасти предвосхищают некоторые последующие теории поэтического языка, а отчасти ставят задачи, еще не решенные наукой о языке. В частности, это целые области «поэтической фонетики, поэтического синтаксиса, поэтической грамматики, поэтической лексикологии» (319), о которых возвещается в манускрипте, но также имплицитно намеченные задачи описания поэтической прагматики, поэтического семиозиса, поэтических корпусов.

Главным, как нам представляется, результатом пионерского, но незавершенного проекта Бенвениста являются очертания концепции поэтического дискурса, не имевшей аналогов на момент ее формулировки. Утверждение французского теоретика о необходимости пересмотреть весь

лингвистический аппарат применительно к изучению поэтического языка и выработать свои дефиниции в этой области чрезвычайно актуально и сегодня. Рукопись о языке Бодлера показывает, что подход к литературному корпусу поэта не является одним из применений лингвистической теории, а должен быть комплексным вопросом к лингвистике о статусе поэтического дискурса и конкретного поэтического произведения, которые, со своей стороны, ставят под вопрос принятые категории лингвистического анализа. Речь идет о критическом подходе к таким понятиям, как «коммуникация», «референция», «высказывание», «сообщение», «знак» и т. п. в их проекции на поэтический дискурс в его специфике и антропоцентрической установке.

Список литературы

- Степанов Ю. С.* Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Фещенко В. В.* О внешних и внутренних горизонтах семиотики // Критика и семиотика. 2005. № 8.
- Adam J.-M.* Les problèmes du discours poétique selon Benveniste // Semen. Revue de sémio-linguistique des textes et discours. 2012. No. 33.
- Benveniste E.* Problèmes de linguistique générale. P., 1980. T. 2.
- Benveniste E.* Baudelaire. P., 2011.
- Delas D.* Saussure, Benveniste et la littérature // Langages. 2005. No. 159.
- Laplantine C.* Emile Benveniste : poétique de la théorie. Publication et transcription des manuscrits inédits d'une poétique de Baudelaire. P., 2008.
- Laplantine C.* Émile Benveniste, l'inconscient et le poème. P., 2011.
- Martin S.* (dir.) Émile Benveniste, pour vivre langage. Mont de Laval, 2009.

Article metadata

Title: Emile Benveniste as Theorist of Poetic Discourse

Author: V. V. Feshchenko

Author's e-mail: takovich2@gmail.com

Author's affiliation: Institute of Linguistics RAS

Abstract. The article is devoted to the recently discovered materials of the eminent French linguist Emile Benveniste concerning the analysis of the poetic language. They represent the remaining manuscripts of the last conscious years of the life of the French language theorist, with an analysis of Charles Baudelaire's poetic work and sketches of a theory of poetic discourse that was pioneering for that time. The linguist analyzed Baudelaire and lectured about him in the second half of the 1960s, but due to a serious illness, he did not manage to finish the research. Benveniste's attempt to create an original theory of poetic

utterance was ahead of time, and in some ways, it outlined aspects of the language of poetry that are not yet realized in linguistic poetics.

These drafts are not just articles, but a full treatise on the structure of poetic language, the nature of poetic discourse and the linguistic method of studying poetry. Neither the article nor the treatise had time to see the light. It seems that if this happened, the development of linguistic poetics might have gone in other ways. In any case, theoretical ideas about poetic communication and concrete empirical findings about Baudelaire's language made on these four hundred sheets partly anticipate some subsequent theories of poetic language, and in part set tasks that have not yet been solved in linguistics. In particular, these are areas of poetic phonetics, poetic syntax, poetic grammar, poetic lexicology, which are announced in the manuscript, but also implicitly planned tasks of describing poetic pragmatics, poetic semiosis, and poetic corpora.

The main result of the pioneering but unfinished Benveniste's project is an outline of the conception of poetic discourse, which had no analogues at the time of its formulation. The French theoretician's conviction that it is necessary to revise the entire linguistic apparatus with respect to the study of poetic language and to developing its definitions in this area is extremely important today. The Baudelaire manuscript shows that the approach to the literary corpus of a poet is not just one of the applications of linguistic theory, but should be a complex challenge to linguistics concerning the status of poetic discourse and a particular poetic work, which, in turn, questions the accepted categories of linguistic analysis. This is a critical approach to such concepts as communication, reference, utterance, message, sign, etc. in their projection on the poetic discourse in its specificity and anthropocentric setting.

Key terms: poetic discourse, E. Benveniste, language of poetry.

Reference literature (in transliteration):

Adam J.-M. Les problèmes du discours poétique selon Benveniste. *Semen. Revue de sémio-linguistique des textes et discours*, 2012, no. 33.

Benveniste E. Baudelaire. Paris, 2011.

Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1980, t. 2.

Delas D. Saussure, Benveniste et la littérature. *Langages*, 2005, no. 159.

Feshchenko V. V. O vneshnikh i vnutrennikh gorizontakh semiotiki. *Critique & Semiotics*, 2005, no. 8. (in Russ.)

Laplantine C. Émile Benveniste, l'inconscient et le poème. Paris, 2011.

Laplantine C. Émile Benveniste : poétique de la théorie. Publication et transcription des manuscrits inédits d'une poétique de Baudelaire. Paris, 2008.

Martin S. (dir.) Émile Benveniste, pour vivre langage. Mont de Laval, 2009.

Stepanov Yu. S. Émile Benveniste i lingvistika na puti preobrazovaniy. In: Benveniste E. *Obschaya lingvistika*. Moscow, 1974. (in Russ.)